

ОБОЗНАЧЕНИЕ РЕАЛИЙ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВОГО КИБЕРСПОРТА)

Д. Г. Долгова¹

Научный руководитель: Н. А. Илюхина, д.ф.н., профессор

Ключевые слова: киберспорт, киберспортивный дискурс, способы номинации, номинация героев, киберспортивный комментатор

Цель данной работы – провести анализ лексического корпуса киберспортивных комментаторов DotA 2 в аспекте номинации киберспортивных реалий. В связи с данной целью были поставлены следующие задачи:

1. Выявление тематических групп лексики, именующей реалии выбранной для анализа игры;
2. Выявление закономерностей в номинации героев;
3. Определение места иноязычной лексики в названиях участников игры и статуса иноязычной лексемы в русской речи с точки зрения степени освоенности.

Новизна работы заключается в отсутствии специальных исследований, посвященных номинации явлений в киберспортивном дискурсе определенной игры. Актуальность обусловлена не только нестабильностью изучаемого состава пласта лексики, но и недостаточной разработанностью данной темы с лингвистической точки зрения.

В работе анализируется речь комментаторов игры. В подробном анализе представлены названия героев и команд. По итогам анализа выделяем группы собственных (113 примеров, в числе которых *Миракл, ликвиды, Virtus.Pro, Алексей, Темпларка, ВРка, Энча, Феникс*) и нарицательных имён (26 примеров, в числе которых *тонкие виверы, дефенсивные шейкеры, капитан, саппорт, герой, персонаж, люди, четвёрочка*), каждая из которых далее делится на подгруппы.

Наиболее частотна номинация героев по имени собственному, т.е. индивидуализированная. Это связано с тем, что так легче всего проследить перемещения героя, а также его действия. Гораздо реже употребляются имена нарицательные, т.к. они не обеспечивают необходимой в репортаже индивидуализации. И, наконец, номинация по функциям из-за своей ориентации на аудиторию «специалистов» встречается еще реже. Еще одна особенность номинативных единиц, связанных с именованьем героев, заключается в том, что почти все имена заимствуются русским языком из оригинальной английской

¹ Дарья Германовна Долгова, студент группы 5201-440301D,
email: dolgova.daria2013@gmail.com

игры, тем не менее практически все они склоняются (исключение составляют никнеймы игроков, заканчивающиеся на звук «и»: *Boxi*, *Nocobaby*). Таким образом, мы видим, что в русском языке образуются варваризмы, которые сохраняют написание на латинице.

УДК 34

JUDICIAL PRECEDENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. M. Douletbaev¹

Scientific Advisor: E. Yu. Maltceva, senior lecturer of Modern Languages and Professional Communication Department

Key words: judicial precedent, law, common law

The purpose of our study is to identify the place of precedent in law. The main objective is to prove that judicial precedent is the most important source of law.

The law must have an external expression for the successful performance of its functions. The forms by which the will becomes a legal norm are designated by the term "sources of law". There are four types of sources: normative act, judicial precedent, authorized custom, and contract. The most important place among the sources of law in a number of countries is occupied by judicial precedent. This means that both legislative and judicial bodies are engaged in legislative activities in such countries. A court precedent refers to a decision in a particular case that has the force of a source of law.

Precedent as a source of law was known in Ancient Rome, where oral statements (edicts) or decisions on specific cases of praetors and other magistrates were used as precedents. Currently, judicial precedent is one of the main sources of law in the legal systems of Canada, the United States, Great Britain and many other countries. Today, almost a third of the world's population lives according to the principles formulated in English law.

Attitude to the precedent in Russia: In pre-revolutionary Russia, some legal theorists and practitioners recognized it as the source of law. Other authors completely rejected the precedent as an independent source of law.

In the post-revolutionary period, Russian legal science continued the tradition of not recognizing precedent as a form of law. R. Z. Livshits connects this attitude with the normative approach to understanding law in Soviet legal science.

Since 1985, the departure from normativity has made it theoretically possible to recognize judicial practice as a source of law. Many Russian legal experts consider the real possibility of introducing a judicial precedent as a source of law.

¹ Arbi Magamedovich Douletbaev, student of group 8103-4000301D, email: mashae1313@mail.ru